

Собою птицю

Ева Лисина*

Летающее озеро

Чувашская легенда

Старики вот что рассказывают. Раньше **Снаша** деревня Синьял лежала не в степи, как сейчас, а *на берегу озера*. Озеро было *великое, как море. Глубокое. Чистое*. Но каким бы глубоким оно ни было, если с лодки внимательно взглянуть вниз, было видно, как *на дне бьют ключи*. Стаями спускались на озеро дикие утки, плавали какие-то *таинственные птицы*. Вокруг шумели *нетронутые леса*.

Как-то один старик пошел в гости к своему приятелю, живущему в степной стороне. Стояло лето. Жара была невыносимая. Пока старик шел нашей стороной — лесами и лугами, — просто благодать была, но вышел в степь — солнце палит нещадно. Еле-еле добрался он до своего приятеля.

— И как только вы тут живете? Вам бы переехать туда, где леса да озера! — говорит старик.

— *Земля прадедов! Нам другой земли не надо!* — отвечает приятель.

— Ну, если так, тогда конечно — живите! Ведь каждая птица свое гнездо любит! — говорит дед. — Мы тоже на земле предков живем, наши деды выбрали высокие леса и глубокое озеро, вот и живем мы среди шумящих дубрав и плещущих вод!

Приятель молчит.

— У вас тут и лесов нет, чем же зимой-то топите? — не унимается старик.

— Соломой топим.

— Э-э, какая благодать! Солома, она, наверно, хорошо горит, да наши жены-то, видать, и зажечь-то ее не сумеют: мы ведь дубовыми дровами топим! А солому скотине на подстилку даем.

Тянет деда обратно домой — и все тут! Хочется ему посидеть в тени своих лесов, на бе-

Философская притча Евы Лисиной, писателя, переводчика Библии на чувашский язык, выступает прекрасной иллюстрацией к «Деятельным и богословским главам» Симеона Нового Богослова о стяжании Духа Святого: «Обручение Святого Духа неизъяснимо и для того, кто стяжал его, так как оно постигается непостижимо, держится недержимо, видится невидимо; живет, глаголет и движет того, кто стяжал его; отлетает из таинницы, в которой пребывает запечатленным и опять обретается там нежданно, чем образует убеждение, что оно как присоединения своего не делает утвержденным однажды навсегда, так отшествия своего — невозвратным, после которого уже не возвратилось бы. Таким образом, стяжавший его, и когда не имеет его, и когда имеет его (присущим обязательно), есть как бы имел его, и когда имеет его, в таком находится расположении, как бы не имел его».

Ключевые слова: озеро, дно, ключи, гроза, рыба, ребенок, окно, синева

* Писатель, переводчик Библии на русский язык, сестра поэта Геннадия Айги, г. Чебоксары, Республика Чувашия.

регу своего озера. А приятель не отпускает: поночуй да поночуй! Куда там ночевать! Душа в лесные прохлады просится! Наспех прощается — и домой! Где шагает, где бежит, только бы поскорее к своему озеру, где прохлада навевает!

Как только до дома дошел, сразу удочку схватил! Открыл ворота, сделал десять шагов — уже сидит в лодке!

Вода сияет, лодка скользит, рыбы играют! Дед садится рыбу ловить. Сидит он под серебристой ивой, радуясь-блаженствуя — душу веселя. И сам с собой разговаривает:

— Эх, несчастные степняки! И как только живут эти бедолаги? Конечно, ежели топить соломой, и крышу дома нечем покрыть. Ведь на крайнюю избу страшно было глядеть — вся крыша прохудилась, кажись, лебедой поросла. Ну, конечно. Боже упаси, чтоб мои дочери вышли в степную сторону. Я, глупый, никак не пойму: где же охотятся их мужики? Где же собирают ягоды их девушки? Из чего же вырезают детям свистульки? А их старики где рыбу ловят?

Дед шуку за шукой, окунь за окунем вытаскивает, домой полную лодку рыбы привозит.

День проходит, настает ночь. Все спать ложатся.

Деду что-то душно, должно быть, думает, *гроза приближается*. Выходит во двор, и его охватывает жуть. Темно так, что ни зги не видать. Над головой шум стоит, словно там что-то ползет. Дома дрожат. Деревья гнутся. Ворота скрипят.

А со стороны озера только и слышно: шабар-шабар! каш-каш! Соломенная крыша — раз! — поднимается, потом — раз! — оседает, потом опять поднимается. Дед схватился за какой-то столб и стоит ни жив ни мертв. То, что поверху ползет, еще холодной водой окатывает. Дед захлебывается, ему кажется, что он

тонет. Вот крыша дома со скрипом и скрежетом еще раз приподнялась, и что-то похожее на мокрый стог проплыло мимо деда.

Шум постепенно стихает. Кажется, наверху только птички крылья шумят. И небо прояснилось. Что такое? У деда ноги так и подкосились: куда подевалась *крыша* дома? Вся семья его рыдает. «Совсем новая крыша была! Совсем новая была!» — плачет его старуха. А на улице народ шумит: «Что случилось? Что стряслось?»

Кинулись за околицу. Боже мой! А где наше озеро? Наш лес где? Кто молится, а кто-то обращается к солнцу. Дед понял: вот что шумело ночью, вот что ползло по небу.

— Наше озеро *улетело!* — сказал он и как подкошенный упал на землю.

— Пропали! Пропали! Не к добру это! — горюет весь народ.

А это еще что? Сулагай (он придется дедом моему куму Эверкке) со всей семьей несется по улице и кричит: «Караул!» Жена несет двоих детей, а третий схватился за мамкин подол и волочится по земле. Сам Сулагай слезами плачет:

— Односельчане! Нас выгнали из дома!

— Кто?!

— Не знаем! Ворвались через потолок! Еле ноги унесли. Помогите!

Взяв вилы и топоры, народ бежит к Сулагаю. Тихонько подкрадываясь, один смотрит в окошко.

— Кто там? — спрашивают остальные.

— На полу свинья лежит!

— Свинья?!

— Сломала все четыре ноги — не может встать!

— Да что ты говоришь! Это не свинья! Наши свиньи с потолка не прыгают!

Со страху некоторые убегают обратно. Остаются только самые смелые. А из избы доносятся глубокие вздохи.

— Пока не встала на ноги, ее надо захватить! — говорит самый смелый.

Вот тихонько-тихонько подбираются и, настезь открывая дверь, врываются в избу. Оказывается, на полу рыба лежит! Величиной с трехлетнюю матку! Она пробила крышу, потолок и упала на пол. Рыба шевелит жабрами и с таким шумом *вздыхает*, что люди со страхом отступают назад, а люлька, что посреди избы висит, подсакивает до потолка.

— Надо резать эту рыбу! — говорит осмелевший Сулагай.

— Ах, муженек, хоть малых детей своих пожалей, не трогай ты эту рыбу, не трогай, кабы чего не вышло! — со слезами уговаривает его жена.

И остальные на стороне этой умной женщины.

— А вы не учите! Здесь я хозяин, что хочу, то и делаю! — еще пуще распаляется Сулагай. — Целую бочку рыбы засолою! — И вытаскивает нож.

Бедная рыба! Столько времени лежи-ка без воды, она уже еле дышит. А Сулагай, тот совсем разошелся — хватается рыбу за жабры.

— Папа, *не трогай!* — кричит тот малыш, который все еще стоит, вцепившись в мамин подол.

Из рук Сулагая *нож выпал*. Да и немудрено, ведь ребенок до трех лет молчал, а тут — на тебе — *заговорил!*

— Дитя мос, ты *научился говорить?* А мы горевали, что ты немой и останешься! — говорит Сулагай, *плача от счастья*. — Не бойся ты! Не трону эту рыбу! Если теперь эту рыбу зарежу, так глупей меня на всем свете не сыщешь!

А рыба *оживает*, уже хвостом бьет.

— Папа, *открой окно!* — говорит мальчик.

— Сулагай, *открой окно!* — шумит народ.

Сулагай настезь открывает окно. Задыхав как паровоз, рыба боком

вылетает из окна. Говорят, в мгновение ока скрылась из глаз.

Тогда из озера выпало очень много рыбы: и крупных, и мелких. Люди собрали целыми ведрами.

А что теперь делать? Озера нет, и лес остался только в одном месте, остальной весь улетел. Хоть умри! Но человеку жить надо. А деду еще и крышу чинить надобно.

Неделя проходит, а народ все еще в себя прийти не может, разговор только об озере. Вот один (самый умный!) объясняет:

— Наше озеро уже давно превратилось в дождь и выпало на землю!

Дед чуть не взорвался от гнева и обиды.

— Если бы наше озеро превратилось в дождь, над чувашской землей, не переставая, сто лет ливень бы шел. Что-то про дождь не говорят, везде от жары мучаются!

Он вешает котомку и тотчас же выходит в путь *в поисках великого озера*. Везде ищет, не оставляет ни уголка. Засыхающие реки есть, а озера нет.

Наконец дед доходит до степного края, и захотелось ему своего приятеля навестить.

Вот чудеса! В этом краю и *дышится легче*, навевает такая приятная прохлада! Смотри-ка! Раньше поля эти сохли, а теперь такая колышется пшеница! Ха, крайнего дома и не узнать, у него новая крыша! И хозяйка-старушка здесь, смотрит на свою крышу — не налюбуется.

— Здравствуй, бабушка, как живешь? — спрашивает ее дед.

— Жизнь пошла на лад, миленький, на лад пошла!

— Бабушка, никак, у тебя новая крыша?

— Ты только посмотри, какая крыша: словно ее гребешком причесали! Просто загляденье!

Посмотрел дед внимательней да чуть с ног не свалился. Хочет крик-

нужь бедный человек: «Да это же моя крыша, моя крыша!» Хочет крикнуть, да вот голос пропал.

Но тут ошеломила его страшная мысль, и он тут же забыл про крышу, и голос у него враз прорезался:

— Бабушка, а что это вдали, вон, *синее-синее?*

— Синее? Теперь, видать, будем жить-поживать, этой *синевой огороды поливать!*

— Бабуся! — кричит испугавшийся дед. — Что это вдали *так синее?*

— Не кричи, миленький, не кричи, я еще не оглохла, хорошо слышу. Вокруг *синевы* там еще и *зеленеет!* Впрядь, видно, только дубовыми дровами будем топить!

— Бабуся, — оцепенел дед, — а что это, что?

— Бабушка, — раздается *тоненький голосок*, — я иду *на озеро* рыбу ловить!

— Внучек ты мой, чем же будешь ловить?

— Решетом! Там рыба кишмя кишит! Бабушка, говорят, в нашем озере огромная рыба живет, величиной в свинью! Люди видели!

Дед заторопился. «Да, *там наше озеро плещется!* Все наше — и лес, и птицы!» Любимая ива старика тоже на месте, но под ней сидит тот писклявый мальчишка. «Ах ты молокосос! Не твое это любимое дерево, а мое», — возмущается оскорбленный дед.

Но что подделаешь? Уселся он под тонкую березку. Березка гнется до земли, сердце деда сжимается до боли.

Дед хотел было поднять шум, а толку-то? Степняки, может, и не стали бы скрывать, что озеро к ним прилетело с другого края, может быть, посочувствовали бы человеческому горю, некоторые так и сказали бы: «Коли ваше, забирай!» Но *как забрать?* Как увезти? На себе? На подводе?

Куда денешься? С пустыми руками возвращается дед.

На следующий день вся деревня отправляется к озеру. Отправляется, да с пустыми руками возвращается...

Я каждый год посещаю наше озеро. Непременно посещаю. И каждый раз умываюсь его священной водой. Меня вот что возмущает: хвастаются, хвастаются степняки: «Наше озеро» да «Наше озеро». Помолчали бы!

Состарился, но поживу еще. Дождусь того счастливого дня, когда *наше озеро прилетит обратно.*

В моей деревне до сих пор верят, что *озеро вернется.* Все на ту большую рыбу надеются: ведь отпустили ее, *не обидели.* Неужели она забудет это? *Не должна забыть.* Неужели не вернет озеро обратно? *Должна бы вернуть. Обязательно должна!*

Всякий случай будет для тебя учителем Богопознания...

Если будешь, согласно Писанию, содержать в уме, что *по всей земле судьбы Господни* (Пс.104, 7), то *всякий случай будет для тебя учителем Богопознания.*

Святой Марк Подвижник (IV в. — нач.V в.)